

Лиза...

Она подсела на Федора мгновенно. Даже не пришлось давать ей попробовать его в первый раз даром. Она сразу выложила за него все – семью, работу, друзей, жилье и город проживания. Поставила на кон и... прогадала. Правда она этого так и не узнала. Лиза любила в Федоре все! Неизвестно, конечно, где это «все» она в нем разглядела. Но, как говорится в определении предела из институтской программы по «вышке», как бы ни были ничтожны достоинства мужчины, всегда найдется такая дура, которая его полюбит. И она полюбила, вернее, подсела. И подсела жестко, безоглядно и бесповоротно. Ее божество носило растянутые треники, серо-бежевую майку (некогда белую) и вечно держало в зубах приплюснутый окурок. Одним словом, глаз не оторвать. Что и делала Лизка сутками напролет – она глазела. Дышала и не могла надышаться ароматом морского бриза (воблы и пива), свежестью летнего утра (перегара) и пряностью скошенной травы (потными носками). А как Федор умел петь дифирамбы! Витиевато, многоступенчато, даже трехэтажно! Его слушали всем двором и в пять утра, и в три ночи. Некоторые даже продолжали петь ему в унисон и подхватывали его рифму в ответ. Лизка балдела. Ее Федор такой популярный! Он такой незаменимый. Куда только его не посылали с самыми важными поручениями. И он всегда возвращался с победой и новыми трехэтажными рифмами. Но тут, как раз, и кроется та самая зависимость. Иногда Федора посылали в командировку надолго. Давали командировочные, которые он вкладывал в дело на секретном объекте. Он такой важный, и Родине без него никак! Это Лиза понимала. Но она не понимала, как же теперь она без своего единственного лучика света. Как ей теперь оторванным от стебелька пестиком жадно пить утреннюю росу любви? И ее ломало.

В такие дни она рьяно поддерживала идеологию Федора – трехэтажными дифирамбами одаривала соседей, дворовых

кошек и мусорные баки. Она четко знала, что пока Федор в командировке, дело его должно жить...

Кирюша...

Она носила очки, время от времени поправляя их на переносице. Словно боялась, что они спадут и мир увидит оголенную любовь в глубине колодца ее сердца. Вдруг все догадаются и сделают общественно-доступной ее волшебную сказку? А все и так знали. Знал и он – Косячок ее сердца. Звали его Валерий Степанович. Высокий, статный, с проседью и саркастической улыбкой. Он презирал весь мир, кроме себя. Естественно! Ведь он – Косячок Кирюши! Кстати, Киру он тоже презирал. Презирал за ее податливость, лояльность, шелковистость и преданность. Он любил ее любовь к себе. Тут ему не было равных. Он боготворил Кирюшину способность видеть в нем ангела. А, как известно, человечеству свой лик ангелы показывают редко, не всем и по великим праздникам. Негоже часто спускаться с небес и делать свой приход обыденным. Кира знала, что она избранная, приближенная к небесам, ведь Валерий Степанович приходил к ней на час, два раза в неделю. Ровно в 17.45, два раза в неделю восходило ее Солнце, начинали порхать Пегасы, а Амурчики – скрипеть на арфах. Именно Амуры, а не богини. Во-первых, Амуры – мужчины, хоть и маленькие, во-вторых, они голые, а в третьих, без стрел. Все стрелы они уже давно выпустили в Кирюшино сердце. Что касается богинь, то... я вас умоляю, даже не говорите о них в ее присутствии. Это все равно что видеть, как твой последний Косячок докуривает соседка по лестничной клетке, блаженно прикрывая жирные ляжки прозрачным пеньюаром. Когда ее раскрасневшиеся щеки, взбитые на макушке волосы и дьявольские искорки глаз однозначно сообщают о... Тихо! Кира идет.

Итак, Валерий Степанович, подойдя к двери, отстукивал костяшкой пальца незатейливый мотивчик,

после чего дверь распахивалась, и рай опускался на землю. Явление себя народу было быстрым, неглубоким и скрипяще-тривиальным. Но только не по мнению Кирюхи, подсевшей на дурь престарелого ангелка. Это был не акт, это было божественное действие, без намека на низменные инстинкты. Только ангельское благословение волшебным посохом, безо лжи и обмана. Она – избранная, полубогиня. Да что там! Она – мать Бога! Правда, когда об этом узнал повелитель человечества – Валерий Степанович, то его срочно отозвали на небо. Теперь он спустится с небес только через тысячелетие, чтобы сообщить о конце света. Его миссия непоколебима и очень ответственна. А Кирюхе всего лишь надо относить, родить и воспитать сына. Потом внуков и правнуков. И в глубокой старости, посвятив себя исключительно отпрыскам, отбыть в мир иной для воссоединения с божеством.

Стенографистка Кэт...

Было такое ощущение, что Кэт родилась с печатной машинкой в руках. Кто-то в рубашке, кто-то с крестом за пазухой, а она – счастливица – с аппаратом желаний своего Косячка. Она записывала все его желания и с пометкой «sos» отсылала в космос для мгновенной реализации. А как иначе? Он же хочет. Он же просит. Он же ждет. Знакомьтесь – Он. Кэт никогда не называла его по имени. Имя – это кличка, позывной, ник, логин и пароль. Имя нужно чтобы окликнуть, позвать или уточнить собеседнику о ком конкретном ты сейчас льешь грязь. Для Кэт все это было неприемлемым. В смысле позвать, Он что – собака? В смысле окликнуть, Он что – уходит? В смысле... даже дух перехватило! Разве можно так о Нем? Имя было лишним, ведь заглядывая в очи постоянно, не нужно звать. А разговаривая с другими, Кэт важно говорила: «Он», – тем самым подчеркивая миру, что Он у нее единственный, и речь идет исключительно о Нем.

Кэт была отличным свидетелем Его жизни. Она ловко стенографировала любую его самую малейшую просьбу, особенно ту, которую он даже не произносил. Она Его угадывала. Угадывала по уголкам губ, прищур у глаз, пульсации артерии на кадыке и ниже пупка. Гораздо ниже пупка, а жаль. Но она не жаловалась. Она тихо сходила с ума от одного вида такого малюсенького, но такого гордого достоинства. О, как он лежал! Даже возлежал! То справа, то слева. А когда проклевывался, словно подснежник ранней весной через толщу снега, ее печатная машинка включала сирену. Во вселенной сразу начиналась беготня. Ну а как же? Ведь сейчас произойдет редкое явление, и все силы вселенной надо бросить на то, чтобы подснежник показал головку! И после такого подвига Геракла Кэт начинала стенографировать с еще большим упоением. Рубашку нагладит. Да что там! Нагладит трусы, носки, шнурки и милый вихрь на его затылке. Вымоет, начистит, уберет, стирает, накрахмалит и опять нагладит. Гладить она любила. Она гладила и гладила... В надежде опять нагладить себе подснежник.

Доярка Любка...

Почему доярка? Все просто – потому что доила. Она открыла целый молокозавод и в бесперебойном режиме производила все существующие виды продуктов из молока. Выжимала творог, взбивала масло, отравляла шизоидными бактериями и прессовала сыр. Корова был одна, зато какая! Неповторимый Гриша. Он считал себя быком-производителем, но быком явно была Любка. Она доила Гришу сутками напролет. Дергала за его синие соски возможностей и желаний.

– Гриша, дай мне ласки, прижми, приголубь. Еще! Еще! Еще!

А Гриша тужился, скрипя огрубевшими сосками в тщетных попытках хоть что-то из себя выдавить. Ну не корова он! Он может купить колбасу и мясо, вбить гвоздь

и съездить по роже соседу за то, что тот занял его место на стоянке. Но усясукать!

– А я красивая? А ты меня любишь? А что ты будешь делать, если я умру? Ну достань мне звездочку с неба, – хныкала Любка, привычно шаря по коровьим соскам.

– А хочешь, я для тебя пятак согну? – отвечал Гриша, намекая, что бык тут он.

– Нет. Хочу звездочку! Ну что тебе, трудно? Это же так просто! Смотри, вот тут у меня эрогенная зона и тут, и тут. Да я вся – эрогенная зона! Только пальцем ткни. Еще! Еще! Еще!

И он тыкал. Тыкал, как мог. Да он даже гвоздь мог вбить в точку «джи», чтобы не давить на нее постоянно. Но Любке было мало! Она хотела затягиваться Гришей постоянно, чтобы дурь разъедала ее изнутри, снаружи, везде!

– А ты меня любишь?

– Ага.

– Какой ты у меня романтичный!

– Не накручивай себя, я совсем не такой.

– Нет, такой! Тебе что, трудно сказать, что я красивая.

– Ты красивая.

– Вот! А говорил, что молоко кончилось!

Затем вдох и продолжение увлекательного диалога... Гриша всегда с упоением ждал ночи и ненавидел утро. Любка рано ложилась спать и быстро засыпала, правда так же рано просыпалась, вскакивала и бежала голышом к своей корове. Время утренней дойки настало!

– А что тебе снилось? Девки были? А я снилась? А ты меня любишь?

Петр Иванович...

Он любил звезду. Любил как умел – был зависим от своего кучерявого Косячка. А как иначе? Звезда экрана. Вот только говорили в этих фильмах на немецком языке и

без перевода. Она танцевала и пела, вернее, извивалась и стонала. Это слышал весь двор. Петр Иванович не слышал – он был глух и слеп. Его звезда звездилась оголтело. Она была неким отделом кадров при заводе – сразу проверяла всех знакомых мужчин на пригодность, а после разрешала работать, то есть бухать с ее суженым пивко в гараже. Доступ был через ее звездное тело.

Петр Иванович нервно кашлял в кулачок и удивлялся, что он – такой тихий мальчик в детстве – вдруг стал таким популярным в зрелости. К нему – такому удивительному, собутыльники со всего города тянулись. Чередой, кавалькадой, гвардией.

Но иногда в его жизни наступали серые дни. Бывало так, что один из его верных друзей возьмет да и соврет о его звездочке: мол, шалава она подзаборная.

– Не, ну вы видели?! Где они забор-то нашли!

В такие дни он хмурился на серый день, на неблагодарных и завистливых людей, поджимал хвост и неся к цветочному ларьку за вяленьким букетиком самых дешевых цветов.

– Ларочка, это тебе, моя дорогая.

Ларочка брала цветы, томно поднимала одну бровь, выбрасывала старый букет и вставляла в вазу новый.

Такой день был хмурым всегда только до тех пор, пока цветы не делали свой стандартный круговорот в вазе. Дальше начинали петь свирели. Ларочка распахивала халатик, спускала бретельки комбинации и разрешала липким губам Петра Ивановича присосаться к груди, ляжкам... Короче, ко всему, к чему он хотел присасываться. И он хотел! Как он хотел! Он вбирал ее жадно, вдыхая запах других самцов, фильтруя его своими легкими, оставляя грязный налет чужаков в своем сердце. И молчал.

Петр Иванович был глух и слеп, ну что ж тут поделаешь. Не по врачам же его водить за ручку. Его кудрявый Косячок никогда не позволит ему убедиться в

том, в чем он совершенно не хочет убеждаться. И даже если он будет физически стягивать с тела Ларочки очередного ухажера, то это будет точно не то, о чем он подумает.

Христофор...

Он имел жену и любовниц. Одну из чувства долга, которое отмечено печатью в паспорте, всех последующих – по любви. Иногда любви он хотел так много, что обменивал ее на деньги. Он пробовал экзотику, совмещал несовместимое, бросался в крайности. Но ему всегда чего-то не хватало. Ну не было той глубины, о которой пишут в любовных романах. Нет, он не читал. Он их смотрел. Фильмы, в которых почти нет слов, много звуков, удачное начало, чудесное продолжение и оглушительный финал. Но, чего-то все-таки не хватало. Но чего? Он открывал и открывал Америки, но оказывалось, что это очередные спальни в многоэтажках.

А потом его сглазили. И заклятье наложили на самое бесценное место. На сердце. Он влюбился. И влюбился так жадно и безоглядно, что выпал из большого секса. Чувство нахлынуло внезапно, только стоило бабке-гадалке в мантии провести ритуал и вынести решение. Его развели. Развели с той, на которую он, как оказалось, подсел. И подсел сразу же, еще в институте. Он так тщетно совершал попытки спрыгнуть. Наркотики – это зло! Так его научили родители. Она уходила быстро: собрала все самое ценное и важное, захлопнула чемодан и выставила его за дверь.

– Ступай, Христофор, открывай свои Америки.

– А последний косячок?

Она прижала его голову к себе и поцеловала в лоб. Никогда еще Христофор не оргазмировал в такой ситуации. Вот оно! То, чего ему так не хватало. А поздно...

Светка, Элка и вертелка...

Она любила сырники, кексы и его. Нет, не этого его. А того его. Этого «его» она отлюбила на той неделе. Ну не все же время в одном и том же ходить!

– Девочки, познакомьтесь, это Чижик. Ой, прости, дорогой. Знакомьтесь, Адольф.

Потом шепотом:

– Этот – новейшая модель: кроссовер, свободный хауз и карточка с безлимитным доступом.

– Что-то у него брюшко, залысина и лапы косолапые.

– Мне же его не на выставку! Зато как улетно он рассказывает анекдоты. Ну нравится он мне. Считайте это моей блажью, но он готов мой гардеробчик под себя обновить.

– А тот, прошлонедельный?

– Как-то мне в нем стало неудобно. Поначалу – вау! – кубики на животе в два ряда, белоснежная улыбка. А потом стал натирать: то это не делай, то с этими не общайся.

– А этот такой милый. Ой, девочки, представляете, иду я такая вся, а тут он, то да се и вот, – протягивает руку.

– Что, колечко? – зашумели ведьмы.

– Да вы что! Маникюр сделала под цвет его рубашки. Вот еще! Замуж за него. Это так, на раз. Просто обновила себя, захотелось чего-то яркого.

– Так он грузин?

– Вот дуры! Не черного захотелось, а яркого. Он индус.

– Да, индусы нынче в моде.

– А там еще одного не завалялось?

– Не знаю, может на складе.

– Девочки, а давайте сбросимся и ростовку купим. Вот хохма будет: ночной клуб, обворожительные мы и линейка из индусов.

Мадам...

Она была женщиной с большой буквы Ж – жирная, жадная и жизнерадостная. У нее был свой бизнес, на котором она отлично зарабатывала. Предприятие небольшое,

численность малая – один человек, она. Вполне нормально для частника. Вот и она так думала. Мадам снабжала мужчин девочками. А так как численность у нее была ограниченная, то снабжала их собой. Такса была разной, исходя из того, что конкретно продавала. Ее телохранитель, в ее же лице, отбирал подходящие кандидатуры и динамил неугодных. Расплачивались по-разному. Кто-то отдыхом на Бали, кто-то юным телом, кто-то ремонтом в квартире. Были клиенты на раз, но, в основном, постоянные. Кто-то постоянен год, кто-то – целых десять. Разница между проституцией была одна – они все ей нравились. Кто-то за толщину кошелька, кто-то за толщину члена. Но больше всего ей нравилось то, что попадались истинные кретины, которые в нее по уши влюблялись. Она умела себя продавать. Дорого и авансом. Любила мадам секс. Красивый, романтичный и страстный. А больше всех она любила себя. Даже не так. Она любила только себя, а остальные могли быть пригодными или же неугодными.

Кто-то ходит по психологам, кто-то на коуч-семинары, кто-то читает философскую литературу о смысле жизни. Надо же хоть иногда как-то собирать себя в кучку. Но у нее была своя проверенная панацея – она ходила по мужикам. Именно через них она поднимала самооценку, лечилась от депрессий, устраняла комплексы и платила налог на прибыль. Бизнес есть бизнес!